

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте отрывки из эссе И.А. Бродского «Поклониться тени» и ответьте на вопросы после текста, подтверждая своё мнение примерами из поэтических текстов ценимых Вами поэтов, русских или зарубежных.

Находясь в северной ссылке, Бродский прочёл в оригинале элегию английского поэта Уистена Хью Одена, посвящённую смерти великого ирландского поэта У.Б. Йейтса:

Time that is intolerant,
Of the brave and innocent,
And indifferent in a week
To a beautiful physique,
Worships language and forgives
Everyone by whom it lives;
Pardons cowardice, conceit,
Lays its honours at their feet.

[Подстрочный перевод с английского:

Время, которое нетерпимо
К храбрым и невинным
И быстро остывает
К физической красоте,
Боготворит язык и прощает
Всех, кем он жив;
Прощает трусость, тщеславие,
Венчает их головы лавром.]

Иосиф Александрович Бродский (1940–1996)

Я помню, как я сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочёл, наполовину сомневаясь, не сыграло ли со мной шутку моё знание языка. У меня там был здоровенный кирпич англо-русского словаря, и я снова и снова листал его, проверяя каждое слово, каждый оттенок, надеясь, что он сможет избавить меня от того смысла, который взирал на меня со страницы. Полагаю, я просто отказывался верить, что ещё в 1939 году английский поэт сказал: «Время... боготворит язык», – и тем не менее мир вокруг остался прежним.

Но на этот раз словарь не победил меня. Оден действительно сказал, что время (вообще, а не конкретное время) боготворит язык, и ход мыслей, которому это утверждение дало толчок, продолжается во мне по сей день. Ибо «обожествление» – это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства. Так меня учили, и я действительно так чувствовал. Так что, если время – которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество – боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? И не является ли песня, или стихотворение, и даже сама речь с её цезурами, паузами, спондеями и т. д. игрой, в которую язык играет, чтобы реструктурировать время? И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время? И если время «прощает» их, делает ли оно это из великодушия или по необходимости? И вообще, не является ли великодушие необходимостью?

Несмотря на краткость и горизонтальность, эти строчки казались мне немислимой вертикалью. Они были также очень непринуждённые, почти болтливые: метафизика в обличии здравого смысла, здравый смысл в обличии детских стишков. Само число этих обличий сообщало мне, что такое язык, и я понял, что читаю поэта, который говорит правду – или через которого правда становится слышимой. По крайней мере, это было больше похоже на правду, чем что-либо, что мне удалось разобрать в этой антологии.

Вопросы:

1. Согласны ли Вы с мнением Бродского, что язык древнее времени и является его хранилищем?

2. Не очеловечивает ли Бродский время и язык, не делает ли он эти категории частью своего поэтического мифа? Постарайтесь сформулировать своими словами сущность поэтического мифа Бродского, подкрепляя своё мнение цитатами из его стихотворений.

3. Приведите примеры поэтических строчек из произведений других поэтов, где понятия времени и языка соотносятся друг с другом.

Объём ответа на каждый вопрос – 8–15 предложений.

За ответы на первый и второй вопросы выставляется от 0 до 12 баллов. А за ответ на третий вопрос – до 6 баллов.

Учитываются связность, доказательность, логичность, аргументация, язык и стиль, а также грамотность.

Часть II. Целостный анализ текста. (40 баллов)

Выберите ОДИН из вариантов.

Вариант 1

Прочитайте рассказ. Проанализируйте его, опираясь на поставленные вопросы.

В чём смысл названия рассказа?

Какое значение в рассказе имеет имя Модест («скромный» по-латыни)?

Это рассказ о счастье или несчастье? Обоснуйте свой ответ примерами из текста.

Каково значение сюжета для понимания авторской идеи?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008)

КАК ЖАЛЬ

Оказался перерыв на обед в том учреждении, где Анне Модестовне надо было взять справку. Досадно, но был смысл подождать: оставалось минут пятнадцать, и она ещё успевала за свой перерыв.

Ждать на лестнице не хотелось, и Анна Модестовна спустилась на улицу.

День был в конце октября – сырой, но не холодный. В ночь и с утра сеялся дождик, сейчас перестал. По асфальту с жидкой грязью проносились легковые, кто по берегам прохожих, а чаще обдавая. По середине улицы нежно серел приподнятый бульвар, и Анна Модестовна перешла туда.

На бульваре никого почти не было, даже и вдали. Здесь, обходя лужицы, идти по зернистому песку было совсем не мокро. Палые намокшие листья лежали тёмным настилом под деревьями, и если идти близко к ним, то как будто вился от них лёгкий запах – остаток ли не отданного во время жизни или уже первое тление, а всё-таки отдыхала грудь меж двух дорог перегоревшего газа.

Ветра не было, и вся густая сеть коричневых и черноватых влажных... – Аня остановилась – ... вся сеть ветвей, паветвей, ещё меньших веточек, и сучочков, и почечек будущего года, – вся эта сеть была обнизана множеством водяных капель, серебристо-белых в пасмурном дне. Это была та влага, что после дождя осталась на гладкой коже веток и в безветрии сосочилась, собралась и свесилась уже каплями – круглыми с кончиков нижних сучков и овальными с нижних дуг веток.

Переложив сложенный зонтик в ту же руку, где была у неё сумочка, и стянув перчатку, Аня стала пальцы подводить под капельки и снимать их. Когда удавалось это осторожно, то капля целиком передавалась на палец и тут не растекалась, только слегка плющилась. Волнистый рисунок пальца виделся через каплю крупнее, чем рядом, капля увеличивала, как лупа.

Но, показывая сквозь себя, та же капля одновременно показывала и над собой: она была ещё и шаровым зеркальцем. На капле, на светлом поле от облачного неба, видны были – да! – тёмные плечи в пальто, и голова в вязаной шапочке, и даже переплетение ветвей над головой.

Так Аня забылась и стала охотиться за каплями покрупней, принимая и принимая их то на ноготь, то на мякоть пальца. Тут совсем рядом она услышала твёрдые шаги и сбросила руку, устыдясь, что ведёт себя, как пристало её младшему сыну, а не ей.

Однако проходивший не видел ни забавы Анны Модестовны, ни её самой – он был из тех, кто замечает на улице только свободное такси или табачный киоск. Это был с явною печатью образования молодой человек с ярко-жёлтым набитым портфелем, в мягкошёрстном цветном пальто и ворсистой шапке, смятой в пирожок. Только в столице встречаются такие раннеуверенные, победительные выражения. Анна Модестовна знала этот тип и боялась его.

Спугнутая, она пошла дальше и поравнялась с газетным щитом на голубых столбиках. Под стеклом висел «Труд» наружной и внутренней стороной. В одной половине стекло было отколото с угла, газета замочла, и стекло изнутри обводнилось. Но именно в этой половине внизу Анна Модестовна прочла заголовок над двойным подвалом: «Новая жизнь долины реки Чу».

Эта река не была ей чужа: она там и родилась, в Семиречьи. Протерев перчаткой стекло, Анна Модестовна стала проглядывать статью.

Писал её корреспондент нескупого пера. Он начинал с московского аэродрома: как садился на самолёт и как, словно по контрасту с хмурой погодой, у всех было радостное настроение. Ещё он описывал своих спутников по самолёту, кто зачем летел, и даже стюардессу мельком. Потом – фрунзенский аэродром и как, словно по созвучию с солнечной погодой, у всех было очень радостное настроение. Наконец он переходил собственно к путешествию по долине реки Чу. Он с терминами описывал гидротехнические работы, сброс вод, гидростанции, оросительные каналы, восхищался видом орошённой и плодоносной теперь пустыни и удивлялся цифрам урожаев на колхозных полях.

А в конце писал:

«Но немногие знают, что это грандиозное и властное преобразование целого района природы замыслено было уже давно. Нашим инженерам не пришлось проводить заново доскональных обследований долины, её геологических слоёв и режима вод. Весь главный большой проект был закончен и обоснован трудоёмкими расчётами ещё сорок лет назад, в 1912 году, талантливым русским гидрографом и гидротехником Модестом Александровичем В*, тогда же начавшим первые работы на собственный страх и риск».

Анна Модестовна не вздрогнула, не обрадовалась – она задрожала внутренней и внешней дрожью, как перед болезнью. Она нагнулась, чтобы лучше видеть последние абзацы в самом уголке, и ещё пыталась протирать стекло и едва читала:

«Но при косном царском режиме, далёком от интересов народа, его проекты не могли найти осуществления. Они были погребены в департаменте земельных улучшений, а то, что он уже прокопал, – заброшено.

Как жаль! – (кончал восклицанием корреспондент) – как жаль, что молодой энтузиаст не дожил до торжества своих светлых идей! что он не может взглянуть на преображённую долину!»

Кипяточком болтнулся страх, потому что Аня уже знала, что сейчас сделает: сорвёт эту газету! Она воровато оглянулась вправо, влево – никого на бульваре не было, только далеко чья-то спина. Очень это было неприлично, позорно, но...

Газета держалась на трёх верхних кнопках. Аня просунула руку в пробой стекла. Тут, где газета намочла, она сразу сгреблась уголком в сырой бумажный комок и отстала от кнопки. До средней кнопки, привстав на цыпочки, Аня всё же дотянулась, расшатала и вынула. А до третьей, дальней, дотянуться было нельзя – и Аня просто дёрнула. Газета сорвалась – и вся была у неё в руке.

Но сразу же за спиной раздался резкий дробный турчок милиционера.

Как опалённая (она сильно умела пугаться, а милицейский свисток её и всегда пугал), Аня выдернула пустую руку, обернулась...

Бежать было поздно и несолидно. Не вдоль бульвара, а через проём бульварной ограды, которого Аня не заметила раньше, к ней шёл рослый милиционер, особенно большой от намочшего на нём плаща с откинутым башлыком.

Он не заговорил издали. Он подошёл не торопясь. Сверху вниз посмотрел на Анну Модестовну, потом на опавшую, изогнувшуюся за стеклом газету, опять на Анну Модестовну. Он строго над ней высился. По широконосому румяному лицу его и рукам было видно, какой он здоровый – вполне ему вытаскивать людей с пожара или схватить кого без оружия.

Не давая силы голосу, милиционер спросил:

– Это что ж, гражданка? Будем двадцать пять рублей платить?..

(О, если только штраф! Она боялась – будет хуже истолковано!)

– ...Или вы хотите, чтоб люди газет не читали?

(Вот, вот!)

– Ах, что вы! Ах, нет! Простите! – стала даже как-то изгибаться Анна Модестовна. – Я очень раскаиваюсь... Я сейчас повешу назад... если вы разрешите...

Нет уж, если б он и разрешил, газету с одним отхваченным и одним отмокшим концом трудновато было повесить.

Милиционер смотрел на неё сверху, не выражая решения.

Он уж давно дежурил, и дождь перенёс, и ему кстати было б сейчас отвести её в отделение вместе с газетой: пока протокол – подсушиться маненько. Но он хотел понять. Прилично одетая дама, в хороших годах, не пьяная.

Она смотрела на него и ждала наказания.

– Чего вам газета не нравится?

– Тут о папе моём!.. – Вся извиняясь, она прижимала к груди ручку зонтика, и сумочку, и снятую перчатку. Сама не видела, что окровавила палец о стекло.

Теперь постовой понял её и пожалел за палец и кивнул:

– Ругают?.. Ну, и что́ одна газета поможет?..

– Нет! Нет-нет! Наоборот – хвалят!

(Да он совсем не злой!)

Тут она увидела кровь на пальце и стала его сосать. И всё смотрела на крупное простоватое лицо милиционера.

Его губы чуть развелись:

– Так что вы? В ларьке купить не можете?

– А посмотрите, какое число! – она живо отняла палец от губ и показала ему в другой половине витрины на несорванной газете. – Её три дня не снимали. Где ж теперь найдёшь?!

Милиционер посмотрел на число. Ещё раз на женщину. Ещё раз на опавшую газету. Вздохнул:

– Протокол нужно составлять. И штрафовать... Ладно уж, последний раз, берите скорей, пока никто не видел...

– О, спасибо! Спасибо! Какой вы благородный! Спасибо! – зачастила Анна Модестовна, всё так же немного изгибаясь или немного кланяясь, и раздумала доставать платок к пальцу, а проворно засунула всё ту же руку с розовым пальцем туда же, ухватила край газеты и потащила. – Спасибо!

Газета вытянулась. Аня, как могла при отмокшем крае и одной свободной рукой, сложила её. С ещё одним вежливым изгибом сказала:

– Благодарю вас! Вы не представляете, какая это радость для мамы и папы! Можно мне идти?

Стоя боком, он кивнул.

И она пошла быстро, совсем забыв, зачем приходила на эту улицу, прижимая косо сложенную газету и иногда на ходу посасывая палец.

Бегом к маме! Скорей прочесть вдвоём! Как только папе назначат точное жительство, мама поедет туда и повезёт сама газету.

Корреспондент не знал! Он не знал, иначе б ни за что не написал! И редакция не знала, иначе б не пропустила! Молодой энтузиаст – **дожил!** До торжества своих светлых идей он дожил, потому что смертную казнь ему заменили, двадцать лет он отсидел в тюрьмах и лагерях. А сейчас, при этапе на вечную ссылку, он подавал заявление самому Берия, прося сослать его в долину реки Чу. Но его сунули не туда, и комендатура теперь никак не приткнёт этого бесполезного старичка: работы для него подходящей нет, а на пенсию он не выработал.

(1965)

Вариант 2

Прочитайте стихотворение А.Н. Апухтина. Проанализируйте его, опираясь на поставленные вопросы.

Какие жанровые традиции Вы можете увидеть в этом стихотворении?

Как в стихотворении развивается лирический сюжет?

Какими художественными средствами поэт его выстраивает?

В русле какого литературного направления написано это стихотворение?

Ответ обоснуйте.

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Алексей Николаевич Апухтин (1840–1893)

К ПРОПАВШИМ ПИСЬМАМ

Как по товарищу недавней нищеты
Друзья терзаются живые,
Так плачу я о вас, заветные листы,
Воспоминанья дорогие!..
Бывало, утомясь страдать и проклинать,
Томим бесцельною тревогой,
Я с напряжением прочитывал опять
Убогих тайн запас убогий.
В одних я уловлял участия краткий миг,
В других какой-то смех притворный,
И всё благословлял, и всё в мечтах моих
Хранил я долго и упорно.
Но больше всех одно мне памятно... Оно
Кругом исписано всё было..
Наместо подписи – чернильное пятно,
Как бы стыдяся, имя скрыло;
Так много было в нем раскаянья и слёз,
Так мало слов и фразы шумной,
Что, помню, я и сам тоски не перенёс
И зарыдал над ним, безумный.
Кому же нужно ты, нескладное письмо,
Зачем другой тобой владеет?
Кто разберёт в тебе страдания клеймо
И оценить тебя сумеет?
Хозяин новый твой не скажет ли, шутя,
Что чувства в авторе глубоки,
Иль просто осмеёт, как глупое дитя,
Твои оплаканные строки?..
Найду ли я тебя? Как знать! Пройдут года.
Тебя вернёт мне добрый гений...

Но как мы встретимся?.. Что буду я тогда,
Затерянный в глуши сомнений?
Быть может, как рука, писавшая тебя,
Ты станешь чуждо мне с годами,
А может быть, опять, страдая и любя,
Я оболью тебя слезами!..
Бог весть! Но та рука ещё живёт; на ней,
Когда-то тёплой и любимой,
Всей страсти, всей тоски, всей муки прежних дней
Хранится след неизгладимый.
А ты?.. Твой след пропал... Один в тиши ночной
С пустой шкатулкой сижу я,
Сгоревшая свеча дрожит передо мной,
И сердце замерло, тоскуя.

(1858)

Максимальное количество баллов за работу – 70.